

«МЕХАНИК» БОЛТОН И РЕКОНСТРУКЦИЯ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО МОНЕТНОГО ДВОРА

*По материалам книги Ричарда Доти
«Монетный двор в Сохо и производство денег»*

*Д.А. Кондрашина, ОН ГИМ,
стипендиат фирмы «Русский Нумизматический Дом»*

В 1789 году в местечке Сохо, что недалеко от Бирмингема — крупного промышленного города Англии, открылся монетный двор, владельцем которого был Метью Болтон, человек, с чьим именем связано разработка принципиально нового оборудования монетной чеканки. Прессы Болтона-Дро, работающие при помощи парового двигателя Джеймса Уатта, усовершенствовали процесс изготовления монет не только на Британских островах, но и по всему миру — в том числе и в России, куда разработчики были приглашены в ходе модернизации Санкт-Петербургского монетного двора в Петропавловской крепости в 1796 году.

In the year 1789 a new mint was founded in Soho, near Birmingham, a large industrial city in England. This mint was owned by Mathew Bolton, a man who became famous for having developed completely new coinage equipment. Bolton-Draw's presses driven by a steam engine invented by James Watt have improved the minting process not only at the territory of Great Britain, but also all around the world, including Russia, where the inventors were invited in 1796 when St. Petersburg mint in Petropalovskaya fortress was under modernization.

Единственный и наиболее полный труд о жизни Метью Болтона и деятельности монетного двора в Сохо был написан американским исследователем Ричардом Доти¹. В основу книги, вышедшей в 1998 году, легли обширные архивные документы, в большинстве своем хранящиеся в Бирмингеме. Автор последовательно рассматривает все этапы работы Болтонов, в том числе многочисленные зарубежные проекты компании: в Дании, Бразилии, Индии, Мексике, Соединенных Штатах Америки и, в первую очередь, в России. В первую очередь — потому что это действительно первый проект Сохо «на экспорт» — он же и самый серьезный.

Многие фактические данные, особенно имена и даты, возникающие на страницах книги из английских архивных источников, отсутствуют в российских документах. Некоторые из них, с одной стороны, не решают сформулированные ранее вопросы, а только задают новые. С другой стороны, многие документально подкрепленные свидетельства Доти проливают свет на ранее спорные утверждения, связанные, в частности, с участием Метью Болтона в монетном производстве Российской Империи.

Монетный двор в Сохо возник не на пустом месте и далеко не сразу. Метью Болтон вырос в семье промышленников: его отец Джон Болтон был владельцем фабрики по изготовлению «игрушек» (то есть всевозможных хозяйственных мелочей, деталей одежды, украшений, фурнитуры). Что вполне естественно, однажды дело отца должно было перейти в руки единственному сыну, поэтому Метью уже в юношеские годы научился работать с промышленным оборудованием, обрабатывать металлы, ориентироваться в среде предпринимателей середины XVIII века. 1759 год становится переломным для молодого Болтона (за несколько месяцев ему приходится пережить сразу три потери: смерть отца, а затем и жены — при родах, вместе с ребенком) перекладывает весь груз ответственности

за семейное дело на его плечи. Пройдет время, и Метью Болтон обвенчается с сестрой умершей супруги — от этого брака у него родится двое детей — мальчик и девочка. Сын, Метью Робинсон Болтон, впоследствии примет самое непосредственное участие в делах отца, в том числе и в российском проекте. В начале 1760-х Болтон-старший принимает решение о переезде, поскольку старый завод в местечке с живописным названием Снежная Горка, Snow Hill, слишком мал и плохо оснащен. В поиске подходящего места он останавливает свой выбор на Сохо — местности неподалеку от промышленно развитого Бирмингема, связанной с ним сетью дорог, которые позволили бы доставлять сырье на фабрику и готовый товар на рынок быстрее и проще. Так в 1762 году открывается новый завод в Сохо, будущий монетный двор, пока что исполняющий те же функции, что и предыдущий. Единственная крупная проблема, мешающая развитию производства, была связана с тем, что в основном завод работал за счет энергии, вырабатываемой водяными мельницами. Ручей, на котором мельницы располагались, был ненадежным: его течение было достаточно быстрым лишь весной. Болтон понимал, что наладить регулярное поступление воды можно при помощи последнего слова техники — насосов, работающих от паровых двигателей. В то время существовали две такие машины: одна из них, машина Сейвери, работала непосредственно при помощи парового давления, другая, Ньюкомена, — при помощи вакуум-насоса. Промышленник задумал разработать на основе первой улучшенную модель с учетом всех особенностей фабрики в Сохо, но провозился с ней до конца 1766 года без видимых результатов. Неизвестно, чем бы кончилось дело, если бы в ходе очередного разговора с коллегами не всплыло имя молодого мастера из Глазго, который помимо основного дела — разработки вычислительных приборов, занимался усовершенствованием двигателя Ньюкомена. Джеймс Уатт — так звали молодого человека.

Встреча состоялась только в августе 1768 года. Ричард Доти делает особый акцент на том, что Уатт не был изобретателем паровой машины, как принято его позиционировать — он лишь доработал существующую модель, и его доработка не получила бы должного распространения, если бы не Болтон. Как бы там ни было, патент на усовершенствованную паровую машину коллеги получили в доле и оформили деловые отношения на бумаге в конце мая 1775 года. Первый важный шаг на пути к последующему преобразованию фабрики в монетный двор был сделан.

Задуматься о переквалификации Болтону пришлось вскоре после переезда в Сохо. Он осознавал, что налаженное отцом производство тем не менее вряд ли обеспечит ему безбедное существование в условиях постоянной конкуренции. Существовал в промышленности Англии конца XVIII века один незакрытый пробел: страна нуждалась в разменной медной монете, которую Королевский монетный двор прекратил чеканить с тех пор, как промышленный переворот вступил в полную силу; а последняя партия серебра сошла с прессов аж в 1750-е. Между тем зарплаты рабочих были столь низкими, что выплачивать их представлялось возможным только в меди (фабричный рабочий мог рассчитывать на 6–7 шиллингов (1 шиллинг = 1\12 фунта) в неделю, и то — при хорошем раскладе вещей). Паровые машины, коими располагал Болтон, могли бы позволить чеканить медную монету в больших количествах и с меньшими затратами.

Первый двигатель, сконструированный Уаттом под эгидой Болтона, заработал 8 марта 1776 года на каменноугольной шахте города Блумфилд в графстве Стаффордшир. Испытания машины подтвердили ее превосходство над уже существующими моделями. Через десять лет произошло еще одно важное — и такое же, кстати сказать, случайное знакомство: Болтона заинтересовала персона Жана-Пьера Дро. Швейцарский инженер Дро разработал «плато» — печатное кольцо, которое зажимало металл и предотвращало его растекание при чеканке, удерживая заготовку будущей монеты между штемпелей, что раньше приходилось делать вручную (что, в общем, крайне травмоопасно). В декабре 1786 года Болтон и Уатт встретились с Дро на Парижском монетном дворе в присутствии Томаса Джфферсона, в будущем американского президента, а в то время еще посла США во Франции. Увидев, что англичане остались довольны демонстрацией его изобретения, Дро добавил, что у него есть проект

усовершенствованного монетного прессы и что он знает лучший способ производства монетных штемпелей. Обе стороны договорились о сотрудничестве. В начале 1787 года английское правительство издает указ о реформе национальной медной чеканки, по которому право изготовления монет предоставляется частным лицам, и теперь задумки Болтона наконец претворимы в жизнь.

Стоит сказать, что взаимоотношения с Дро у английских промышленников сложились не самые светлые. Болтон был крайне недоволен тем, что швейцарец, получая весьма приличную заработную плату, тянул время и не делал практически ничего из обещанного. Ситуацию усугублял тот факт, что долгое время между сторонами не существовало делового контракта, и Болтон был фактически бессилем перед непрофессионализмом Дро. Однако Дро, к счастью, был практически единственной проблемой, хоть и самой большой. Из записки Джеймса Лоусона, инженера на теперь уже монетном дворе в Сохо, видно, что дела идут неплохо: пресс работает без перебоев, чеканит со скоростью 40 монет в минуту, в неделю получается около 24 центнеров готового материала².

Производство налаживается, и вот наконец в 1796 году весть о монетном дворе в Сохо долетает и до России. Об активных действиях императрицы Екатерины II, направленных на реформирование монетного дела в Российской Империи, хорошо известно. Среди прочих возникал вопрос о полной реставрации Санкт-Петербургского монетного двора, не ремонтировавшегося со времен открытия в начале XVIII века. В мае шотландец Александр Бакстер, стоящий на службе в Российском Консульстве в Лондоне, обращается к Болтону от имени императрицы:

«Поскольку Императрица Российская желает внести значительные улучшения в ее императорский монетный двор в Санкт-Петербурге..., чтобы изготовить штемпели для золотых, серебряных, медных монет и купить целый комплект оборудования, который необходим для их чеканки, и поскольку весь мир знает, что нет человека лучшего, чем мистер Болтон, способного реализовать сие поручение, не будете ли вы так благосклонны доложить мне, дадите ли вы свое согласие на сие предложение?..»³

Письмо Бакстера, несомненно, заинтересовало Меттью Болтона. Однако он никогда не имел дело с экспортом оборудования для монетной чеканки, он даже приблизительно не знал потребностей будущих заказчиков. Лето 1796 года прошло в переговорах. Среди бумаг, найден-

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 3

Рис. 4

ных в Бирмингеме, значит, копия письма с заглавием: «Оценка расходов на возведение полного монетного двора» на двух языках — английском и французском. Оригинал, вероятно, был отправлен в Россию — напрямую или через Бакстера, что объясняет его двуязычность, так как вся официальная переписка с императорским двором велась на французском. В архивных документах российской стороны имя Александра Бакстера не упоминается, и главным лицом англо-русских переговоров выступает граф Воронцов. Именно он отправляется в Сохо с надеждой на личную встречу с «механиком Болтоном».

«Я хочу, чтобы вы... заизолировали стены и потолок плотной бумагой и покрыли их орнаментом из кованых чугунных розочек. После мы можем покрасить стены в темно-зеленый, потолок — в светло-голубой, а столбы, двери и окна должны быть коричневато-серые, под камень. Если необходимо закрыть монетный двор на день, чтобы провести все ремонтные работы в срок, закройте, или следует красить по воскресеньям, иначе, боюсь, мы не успеем к приезду посла», — отдавал распоряжения Метью Болтон, узнав о намечающемся визите графа.

Семья Болтонов уже имела опыт общения с Российским покупателем. Еще в 1765 году они стали продавать обеспеченным петербургским и московским дворянским фамилиям целый ассортимент как полезных, так и бесполезных товаров: от карманных часов до декоративных ваз и застежек на одежду. На этот раз — дело, несомненно, более серьезное. Болтону предоставляют, что называется, карт-бланш, полагаясь на опыт английского промышленника: он сам объясняет стороне заказчика, какое именно оборудование необходимо для полноценного функционирования монетного двора, где оно должно располагаться, сколько монет может быть на нем отчеканено («крупной российской монеты около 14.000, шиллингов английских около 18.000, шести су английских около 20.000 [в час]»⁴). Российское правительство надеется выпускать 1 млн. руб. золотом, 6 млн. руб. серебром и 3 млн. руб. медью, что Болтон берется гарантировать. В октябре 1796 года стороны договариваются о том, что «предполагаемая им (Болтоном. — Д.К.) для полного монетного двора одна паровая машина, восемь для тиснения монет и столько же обрезных, три для надписей по бортам, четыре сушильных, один или два токарные круга для обточки штемпелей, также колеса и оси железные, винты и прочее, и основа для машин из дубового дерева, потянут весом 40 бочек и 100.000 фунтов, которые доставит он в Гульский порт за 6.520 фунтов стерлингов и обязуется обучить двух россиян и отправить одного человека поставить машины»⁵. Половину стоимости заказчик обязался выплатить сразу же после доставки оборудования, половину — шесть месяцев спустя. Вероятно, почувствовав некоторую неловкость из-за того, что названная им цена была достаточно высока, Болтон присылает в Россию образцы медалей и монет, отчеканенных

на новых прессах в Сохо, а также письмо с внушительным списком предметов, которые можно изготовить при помощи паровой машины и невозможно — при помощи энергии водяных мельниц. К тому же он предлагает принять на стажировку двух англоговорящих российских инженеров, чтобы затем они помогли людям из Англии реконструировать Санкт-Петербургский монетный двор. Российское правительство откликается на эту инициативу и распоряжается отправить в Англию двух механиков и одного монетчика. Более того, поступает приказ изготовить оловянные «абдуки» с золотых, серебряных и медных российских монет и прислать в Сохо, «дабы он [Болтон] по абдукам сделать мог штемпеля, согласно его обращению»⁶.

В 1797 году на престоле — уже Павел I и в Сохо направляется учебная миссия из пяти человек, в числе которых Ричард Доти называет монетчика Феликса Шлаттера и, по всей видимости, резчика — Якова Смирнова, обещавшего Болтону подготовить восковую модель с портретом Павла I для дальнейшей разработки монетных штемпелей (но, как известно, портретные монеты массового выпуска при Павле так и не появились). В российских документах эти имена не фигурируют. Впрочем, учитывая тесные взаимоотношения между Болтоном и российской стороной еще до начала работ на Петербургском монетном дворе, вероятность чеканки пробных российских монет в Сохо не покажется бесосновательным мифом. Крайне редкие пробные экземпляры серебряных монет, известных как ефимки 1798 года (рис. 1), несомненно, отчеканены в печатном кольце, а наличие вдавленной и выпуклой надписи в поле монеты подкрепляет предположение, что отчеканены они при помощи «плато» Жан-Пьера Дро, что опять-таки отсылает нас к Болтону (рис. 2). Практически не вызывает сомнения причастность английских монетчиков и к появлению пробных экземпляров медных десятикопеечников (рис. 3), отчеканенных в печатном кольце, — предположение об иностранном происхождении их штемпелей высказал еще В.В. Уздеников⁷.

На родину делегация возвращается с планом реконструкции монетного двора в Санкт-Петербурге. Проект Болтона подразумевал, что «на каждый вид работ должно выделяться свое помещение, куда сотрудники из других отделов не допускаются, а монетные заготовки должны передаваться через специальное отверстие из одного помещения в следующее»⁸. Первоначально Болтон планировал расположить монетные прессы, как и в Сохо, по кругу, подключенные к единому источнику питания. Но Феликс Шлаттер сообщил ему, что монеты из разных металлов должны чеканиться отдельно, и поэтому плановый проект предусматривал три комнаты, где будут соответственно установлены один монетный пресс для золота, три — для серебра, четыре — для меди.

В июне 1797 года Его Императорское Величество выражает благосклонное отношение к проекту Метью Болтона. Через несколько недель Английский Парламент утверждает акт, разрешающий экспорт монетного двора и выезд рабочих, способных этот монетный двор построить. Годом позднее обе стороны подписывают контракт, девятый пункт которого (из двенадцати) оговаривал вопрос цены. К уже указанной выше сумме в 6520 фунтов стерлингов приплюсовывалась стоимость прокатного стана мощностью в 55 лошадиных сил и всех необходимых деталей — в 5000 фунтов. Итого реорганизация монетного двора обошлась российскому правительству в 11.520 ан-

Рис. 5

лийских фунтов. Болтон обязался отправить в Санкт-Петербург двух инженеров из Англии, которые руководили бы процессом установки нового оборудования, но сам в Россию ехать отказался, сославшись на загруженность делами в Сохо и слабое здоровье. Не поехал и сын Болтона, Метью Робинсон Болтон, к тому времени уже участвовавший в делах отца. На правах главного руководителя в Петербург прибудет племянник Болтона, но это произойдет позднее. Сейчас, в 1802 году, едут четверо: Джеймс Дукан, Джеймс Уокер, Уильям Спидимен, Джеймс Харли. Дукан — на лучших условиях: ему обещана зарплата в 3 гиней в неделю (6 рабочих дней), за 12-часовой рабочий день. Остальные получают 2 гиней в неделю.

Сразу же по приезду английских инженеров в Петербург ожидает первая проблема. Петербургский монетный двор, открытый в середине 1720-х годов, до 1755 года располагался в Трубецком бастионе Петропавловской крепости, а после занял еще и Нарышкинский бастион. Ветхость старых зданий, стоящих на плохом фундаменте, фактически делала даже капитальный ремонт нецелесообразным. Более того: план, разработанный Болтоном, был рассчитан на более просторные помещения, чем уже имеющиеся в Петропавловской крепости. Выход оставался один: строить новое здание специально под монетный двор. Стороны согласовали место постройки: на центральной площади ансамбля, напротив собора Петра и Павла.

Работы обещали затянуться более чем на 5 запланированных лет еще и в связи с долгими северными зимами — главной бедой России, нередко, впрочем, играющей ей на руку. Нерегулярные выплаты денег английским инженерам за работу, проблемы с конвертацией получаемой в фунтах зарплате на русские рубли — в общем, многочисленные неурядицы заставляли английских инженеров чувствовать себя подавленно и озлобленно. Болтоны осознают, что необходимо направить в Россию «своего человека», который бы взял ситуацию под контроль (сами же промышленники заняты новым проектом на экспорт — предложением строить монетный двор в Копенгагене). С этого времени — и до конца работ в Петербурге — главным «куратором» англо-русского договора становится Захеус Уокер, племянник Метью Болтона-старшего. Дядя стал привлекать его к семейному делу, как только Зак достиг совершеннолетия: в официальных бумагах Болтона, во всяком случае, его имя фигурирует с 1789 года (то есть Уокеру тогда 21 год). На первых порах помощь Зака была номинальной, затем он стал представлять интересы компании Болтона в Америке, и с этой должностью справлялся как нельзя лучше. На этот раз племяннику предстоит взять на себя организацию всего неожиданно затянувшегося дела с Петербургским монетным двором и довести его до конца.

Зак Уокер прибывает в Кронштадт в июне 1803, проделав путь через Каттегат, пролив Северного моря между Швецией и Данией, который с большой натяжкой можно было назвать безопасным ввиду тяжелых погодных условий — тем более для английских кораблей, поскольку англо-датские отношения в ту пору были крайне натянутыми. Племянник Болтона сразу же включился в бесконечные переговоры с чиновниками и властями, мало-помалу разрешая накопившиеся проблемы. Когда строительные работы подходили к концу, неожиданно возникли новые сложности. Инженеров не устраивала освещенность новых помещений. Тесное соседство с дру-

гими постройками в Петропавловской крепости, мощные решетки на окнах, необходимые для безопасности, — все это делало здание, по замечанию Зака Уокера, больше похожим на тюрьму, чем на монетный двор. Возникла идея о плоском стеклянном перекрытии, но петербургский климат в очередной раз внес свои коррективы: от стеклянной крыши не было бы никакого толка, поскольку большую часть года она была бы покрыта снегом. Тогда Джеймс Дукан предложил соорудить свод с вертикальными оконными проемами, что и было сделано.

К весне 1804 года все готово к установке оборудования. Осенью Болтон присылает сделанные в Сохо штампы учебных модулей и сами модули (на аверсе портрет Александра I с латинской надписью, на реверсе — простой греческий крест (рис. 4)) — как наглядное пособие для российских монетчиков, которым предстоит впоследствии работать с новыми машинами. Первые экземпляры пробных монет, отчеканенных на прессах Болтона-Дро, увидят свет только через три года — в июне 1807 года. Если верить записям Захеуса Уокера, ответственным за эту серию был Карл Леберехт. Вероятно, в их ряду значится пробный портретный рубль без последней цифры даты (рис. 5) — ранее его ошибочно относили к 1806 году. В августе граф Воронцов посетил обновленный Петербургский монетный двор и убедился, что все готово к планомерной работе. Два монетных пресса позволяли чеканить 140 рублей в минуту. Наконец был закрыт больной вопрос английской миссии: Зак Уокер получил обещанное жалование от российского правительства (от 2000 до 2500 фунтов), а четверем механикам было назначено по дополнительной гинее за каждую неделю работы в Санкт-Петербурге. Обе стороны, несмотря на то что сотрудничество проистекало не так гладко как хотелось бы, остались довольны результатом.

По воле судьбы из пяти человек только двое — Джеймс Уокер и Вильям Спидимен — сразу же вернутся в Англию. Джеймс Дукан согласится работать в Копенгагене, но семейные проблемы (беременность жены) и политический конфликт между Великобританией и Данией заставит его задержаться в России. Здесь он и умрет в середине 1820-х. Его коллега Джеймс Харли в погоне за достатком уедет в Сибирь. Племянник Болтона, Зак Уокер, к всеобщему удивлению товарищей женится на русской и уедет только в 1809 году. Дорога домой займет у него три месяца — не без неприятных приключений. Вернувшись, он будет продолжать работать на семью Болтонов — на этот раз на своего двоюродного брата.

Примечания:

- 1 Richard Doty. The Soho Mint & the Industrialization of Money. London 1998.
- 2 Записка Джеймса Лоусона полностью приведена на с. 37.: см. *Richard Doty*
- 3 *Richard Doty. С.79*
- 4 Георгий Михайлович, великий князь. Монеты царствования императрицы Екатерины II, т 1., СПб. 1894. С. 322
- 5 Там же.
- 6 Там же, С. 323
- 7 См. *В.В. Уздеников*. Российские монеты XVIII века, отчеканенные в печатном кольце. // Монеты России XVIII — начала XX века. М. 2004.
- 8 *Richard Doty*, с. 83